

Матлин Михаил Гершенович

**МОТИВ УГАДЫВАНИЯ В СМЕХОВЫХ ТЕАТРАЛЬНО-ИГРОВЫХ СЦЕНКАХ С ЛОЖНЫМ
СВАДЕБНЫМ ПЕРСОНАЖЕМ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СВАДЬБЕ XIX-XX ВВ.**

Статья раскрывает своеобразие семантики и прагматики специфического смехового ритуально-игрового испытания одной из сторон брачного процесса, совершаемого в процессе разыгрывания сценки с ложным свадебным персонажем. Показывается, что как сами сценки, так и сюжетообразующий в них мотив угадывания имеют многообразные связи с песенными и прозаическими жанрами русского и мирового фольклора, в контексте которых становится возможной интерпретация данных сценок и мотива.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 131-133. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

объективных данных делает возможным сопоставление степени апелляции произведений и книг разных авторов. С помощью индексации выявляются наиболее значимые образы внутритекстовых адресатов, а также определяются тематические и коммуникативные центры поэтических книг, модели взаимоотношений субъекта и адресата в художественном мире автора.

Список литературы

1. Бек Т. А. Облака сквозь деревья: стихи / послесл. А. Шаталова. М.: Глагол, 1997. 159 с.
2. Бек Т. А. Сага с помарками. М.: Время, 2004. 398 с.
3. Бек Т. А. Узор из трещин: стихи / предисл. Е. Рейна; послесл. автора. М.: ИК Аналитика, 2002. 112 с.
4. Двоенко Я. Ю. Система лирической коммуникации в книге И. Бродского «Новые стансы к Августе»: структура, модели, стратегии: дисс. ... к. филол. н. Смоленск, 2014. 283 с.
5. Матаненкова Т. А. Поэтический мир Татьяны Бек: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2012. 236 с.
6. Правила русской орфографии и пунктуации: полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
7. Романова И. В. Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. 328 с.

APPEAL INDEX AS AN INDICATOR OF ADDRESSING LEVEL OF THE LYRICAL TEXTS (BY THE MATERIAL OF THE POETRY BY TATYANA BEK)

Matanenkova Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Smolensk Orthodox Theological Seminary
mata-tatyana@yandex.ru

Poetical book by Tatyana Bek "Saga with Blots" served as a material for research. The article describes the experience of applying appeal indexes to study the intra-textual addressing of the poetical works. On the basis of the findings the author has studied the appeal orientation of a poetical book and the most important addressees of the lyrical heroine.

Key words and phrases: communicative types of texts; appeal; poetical book; lyrical addressing; appeal index; lyrical hero; addressees of a lyrical hero.

УДК 392.51

Филологические науки

Статья раскрывает своеобразие семантики и прагматики специфического смехового ритуально-игрового испытания одной из сторон брачного процесса, совершаемого в процессе разыгрывания сценки с ложным свадебным персонажем. Показывается, что как сами сценки, так и сюжетобразующий в них мотив угадывания имеют многообразные связи с песенными и прозаическими жанрами русского и мирового фольклора, в контексте которых становится возможной интерпретация данных сценок и мотива.

Ключевые слова и фразы: мотив; сюжет; сценка; ложный свадебный персонаж; русская народная свадьба.

Матлин Михаил Гершенович, к. филол. н., доцент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова
matlin@mail.ru

МОТИВ УГАДЫВАНИЯ В СМЕХОВЫХ ТЕАТРАЛЬНО-ИГРОВЫХ СЦЕНКАХ С ЛОЖНЫМ СВАДЕБНЫМ ПЕРСОНАЖЕМ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СВАДЬБЕ XIX-XX ВВ. ©

Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда – проект № 13-04-00254.

Как известно, одним из главных носителей смехового начала в народной свадьбе является дружка. Некоторые исследователи видят в этом персонаже продолжение и развитие традиции, берущей свое начало от скоморохов [4; 6]. Однако есть в русском народном свадебном обряде еще одно действующее лицо, с которым также связаны разнообразные смеховые действия. Назовем его «ложным свадебным персонажем». Под ним мы будем понимать участников свадьбы, связанных или нет родственными отношениями с родом жениха или невесты, которых презентуют или которые сами себя презентуют за жениха, или невесту, или за брачную пару. Эта презентация, как правило, представляет собой специфическое смеховое ритуально-игровое испытание одной из сторон брачного процесса.

«Жених со свадебным поездом приезжает в дом невесты. Невеста и несколько ее подружек одевают на левую руку перчатки (варежки), и их всех вместе накрывают большим платком. Жених, войдя в сени, должен отыскать невесту под платком. Если жених берет за руку в рукавичке другую девушку, то она ему

говорит: *“Хороша Маша, да не ваша!”*. Если жених берет за руку невесту, то подружки говорят: *“Наша княгиня по саду гуляла, ключи потеряла”*. Тогда сваты отвечают: *“Наш князь новобрачный по саду гулял и ключи подобрал открывать ворота!”* С невесты снимают платок» [15, с. 210].

Подобные сценки с ложными свадебными персонажами зафиксированы на всех этапах свадьбы и практически во всех ее наиболее значимых и важных обрядах. Основой этих сценок является мотив *угадывания*. Необходимо подчеркнуть, что это именно *угадывание*, а не *выбор*, как иногда интерпретируют его исследователи. В свадебном обряде, в волшебных сказках, с которыми вполне справедливо сопоставляют данные сценки [9, с. 301-303], в бытине «Садко», в древнегреческой мифологии и поэзии [5, с. 54-55] и шире – в мировой фольклорно-мифологической традиции герой именно должен «узнать своего среди одинаковых» [2, К37]. Исследуя этот мотив, В. Я. Пропп акцентирует внимание на том, что искомый персонаж не имеет отличия от близких и одинаковых с ним, так как это существо принадлежит иному миру (=мертвых), а «все находящиеся там имеют одинаковый облик» [9, с. 301]. В этом ученый видит ключ к происхождению данного мотива, а что касается его прагматики в свадьбе, то, по мысли ученого, ее установить невозможно. «Но в данном случае в свадебном обряде нет даже переосмысления, он производится неизвестно почему – по традиции, как игра, и о цели его никто себя не спрашивает. Этим создается почва для “толкования” обряда в науке – путь неправильный и допускающий бесконечное количество произвольных решений» [Там же, с. 303].

Именно поэтому представляется важным внимательно всмотреться в то, как разворачивается этот мотив в соответствующих свадебных сценках.

Во-первых, подчеркнем, что ни в сценках с ложным свадебным персонажем, ни в свадебном обряде в целом выбора невесты женихом и тем более жениха невестой не происходит. Выбор уже сделан, сначала родителями, потом сватами. Во-вторых, угадывание невесты или жениха среди ложных во многих вариантах рассмотренных нами сценок совершает не жених или невеста, а представители их родов. В-третьих, обрядовая семантика действий с ложными свадебными персонажами различна для разных типов.

Так, сценки, в которых жених, невеста или представитель их рода должен угадать соответствующего свадебного персонажа среди нескольких *закрытых*, в отличие от всех остальных имеют прямую связь со свадебной традицией. Как известно, невесту после благословения родителями покрывали и раскрывали только после прибытия свадебного поезда в дом к родителям мужа [1, с. 77-79, 83-84]. Это породило реальные случаи подмены просватанной девушки (чаще всего сестрой). Не останавливаясь подробно на этой традиции, отметим, что с ней также связано появление нарративов о том, как «сватали одну, а женили на другой». Один из таких нарративов о том, как в имении его отца староста был женат не на той, которую сватал, приводит И. П. Страхов [13, с. 363-364]. О таком же случае свидетельствуют и современные записи [8, с. 52-53].

Как отмечал А. В. Терещенко, в таком случае после жалобы обманутого жениха патриарху мог последовать развод, или муж требовал от жены, чтобы она постриглась в монахи, и *«бил ее, мучил и не спал с нею, пока она не пострижется»* [14, с. 88].

Вероятно, с этими реалиями жизни связана традиция проверять «подлинность» невесты до венчания, открывая ее лицо. Это могли делать после выкупа, по дороге в церковь на венчание, на венчании и т.п. Если в свадьбе XIX в. это делали, как правило, сваты [7, с. 239], то в XX в. – жених [16, с. 139].

На основе этих нарративов сказочник А. Новопольцев создает оригинальный авторский сюжет бытовой сказки «Подменная невеста» [10, с. 222-225].

Таким образом, в русской народной свадьбе XX в. смеховые сценки с *закрытым* ложным свадебным персонажем, которого предвещали *вместе* или *вместо* подлинного, связаны с указанными брачными реалиями.

Другой фактор, определивший развитие данной традиции, может быть обусловлен тем, что выбор, сделанный людьми, носил надличностный характер и не был соотнесен непосредственно с судьбой самих участников брака и тем более с их будущей семейной жизнью. Но именно в период самой свадьбы открывалась возможным пред-*угадать*, пред-*видеть* будущую судьбу создаваемой семьи, о чем свидетельствуют многочисленные приметы и магические действия, совершаемые женихом и невестой. Именно в этот ритуальный контекст входят анализируемые нами обрядовые сценки, что зафиксировано в публикациях как XIX, так и XX в.

«Если и жених угадывает свою, то танцует с ней в первой паре и брак его будет счастливым и процветающим. Если не отгадает, очень стыдно за него; затем отгадывает кто иной, и если угадает, то танцует с ней в первой паре...» [18, с. 236]. В другой записи этой традиции отмечается, что если жених сразу не сможет угадать свою невесту, то *«жить вместе они не будут»*, поэтому невеста стремилась каким-либо образом помочь ему [11, с. 53-54]. Были и другие объяснения того, чем грозит неудача в опознании, например если молодая не опознает своего супруга, то *«пойдет не тем путём – изменять будет»* [12, с. 184].

Своеобразным вариантом этой традиции является закрывание не невесты, а завязывание глаз жениху, который должен был наощупь угадать свою суженую. Такая сценка близка известной игре в жмурки [3]. Известно, что эта игра, носившая явный эротический характер, уже в XIX в. была необычайно популярна среди молодежи [12, с. 155], что и позволяет рассматривать ее в качестве одного из факторов формирования аналогичной сценки в свадьбе. В результате такого переноса неявная гадательная семантика и прагматика данной игры в свадебном обряде стала определяющей и артикулируемой [3].

Это очень хорошо видно в описании традиции, данной П. В. Шейном. В ней указывается, что девушки надевают одинаковые с невестой платья, затем составив из себя *“гусек”* или *“караван”*, выходят с песней из клетки. Жених стоит с завязанными или зажмуренными глазами у порога *«и с нетерпением ждет возвращения гуська или каравана. И как только караван покажется на пороге, он начинает ощупывать его, отыскивать или угадывать в нем свою суженую и, ухватив ее за руку, произносит речитативом:*

*“Вот она – моя дружининка,
Вот она – моя молоденька!..”*

Затем это повторяется до трех раз. Если во все три раза жениху не удастся “поймать” свою невесту, то, значит, он берет не свою суженую и жизнь его в супружестве будет не весела, а если удастся, то, в таком случае, “свою” и жить с нею будет весело и счастливо» [17, с. 753].

Именно в этом смысле, как нам представляется, можно интерпретировать то «истинное узнавание жениха и невесты друг другом», о котором писал А. К. Байбурун [1, с. 77].

Проделанный анализ позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, все рассмотренные типы сценок с ложным свадебным персонажем объединяет один сюжетно-образующий мотив – *угадывание*.

Во-вторых, во всех типах этот мотив реализуется в театрально-игровой форме.

В-третьих, в разных типах и в вариантах отдельных типов эта форма имеет различную семантику: в одних она может быть определена как смеховая «игра с сакральными ценностями» (Л. М. Ивлева), а в других – за игровой формой этих ценностей уже нет.

В-четвертых, это различие в отдельных случаях может быть объяснено как результат исторического развития традиции.

И в-пятых, смеховое начало в разной степени присуще всем указанным типам.

Список литературы

1. **Байбурун А. К.** Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
2. **Березкин Ю. Е.** Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам [Электронный ресурс]: аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 26.04.2015).
3. **Богданов К. А.** Игра в жмурки: контексты традиции // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб.: Наука, 1999. С. 54-81.
4. **Власова З. И.** Скоморохи и свадьба: к вопросу об эволюции отдельных моментов обряда // Русский фольклор. Л.: Наука, 1989. Вып. XXV. С. 23-37.
5. **Демина Н. А.** Фольклорные мотивы в изображении Артемиды древнегреческими поэтами (Пиндар и Телесилла) // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып. 7. С. 51-56.
6. **Новичкова Т. А., Панченко А. М.** Скоморох на свадьбе // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы идеологии и культуры: межвузовский сборник: к 80-летию проф. В. В. Мавродина / Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова; под ред. проф. И. Я. Фроянова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 100-121.
7. **Певин П.** Народная свадьба в Толуйском приходе Петрозаводского уезда Олонецкой губернии: обычаи и причитанья // Живая старина. 1893. Вып. II. С. 219-248.
8. **Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.** Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье – Соликамск – Березники – Пермь: Пермское книжное изд-во, 2004. 360 с.
9. **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946 г. 340 с.
10. **Садовников Д. Н.** Сказки и предания Самарского края. СПб.: Тип. МВД, 1884. 388 с.
11. **Самодолова Р. П.** Свадебные традиции в современном быту русского населения Бурятии // Современность и традиционная культура народов Бурятии: сборник статей / Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. Улан-Удэ, 1983. С. 50-64.
12. **Сахаров И. П.** Сказания русского народа: в 2-х ч. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885. Ч. 1. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. 298 с.
13. **Страхов М.** О свадьбах и свадебных обрядах и обычаях русских крестьян // Учен. зап. Импер. Моск. ун-та. 1836. № 11. Ч. 12. С. 351-372.
14. **Терещенко А.** Быт русского народа: в 2-х ч. СПб.: В тип. Военно-учебных заведений, 1848. Ч. II. Свадьбы. 620 с.
15. **Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья** / сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева; под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука, 1985. 344 с.
16. **Фольклор Сосновского района Нижегородской области** / сост. А. Н. Каракулов, И. А. Фалькова, К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова; под общей ред. К. Е. Кореповой. Нижний Новгород, 2012. 505 с.
17. **Шейн П. В.** Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1900. Том I. Выпуск 2. I-LVIII +834 с.
18. **Kolberg O.** Lud, jego zwyczaj, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, guśla, zabawy, pieśni, muzyk i tańce. Kraków: W drukarni uniwersytetu Jagiellońskiego pod zarządkiem Ignacego Stelcla, 1876. Serya X. Z ryciną wedle rysunku B. Hoffa. 386 s.

THE MOTIVE OF GUESSING IN HUMOROUS THEATRE-PLAYING SCENES WITH A FALSE WEDDING CHARACTER IN THE RUSSIAN FOLK WEDDING OF THE XIX-XX CENTURIES

Matlin Mikhail Gershonovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ulyanovsk State Pedagogical University
matlin@mail.ru

The article deals with the originality of the semantics and pragmatics of the specific humorous ritual and playing test one of the parties of the marriage committed in the process of performing the scene with a false wedding character. It is shown that both the scenes and the plot-formative motif of guessing in them have diverse connections with song-like and prosaic genres of the Russian and world folklore in the context of which the interpretation of these scenes and motives becomes possible.

Key words and phrases: motive; plot; scene; a false wedding character; Russian folk wedding.